
ИДЕИ И ПРАКТИКА: РЕЛИГИОЗНЫЕ И СЕКУЛЯРНЫЕ ЦЕННОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

И.П. ГЛУШКОВА

ИНДИЯ: МЕДИАФЕНОМЕН «ОСКОРБЛЕННЫХ ЧУВСТВ» КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ

В 2004 г. после шестилетнего правления Национального демократического альянса (НДА) во главе с «Бхаратийя джаната парти» (БДП) «светская» коалиция под руководством Индийского национального конгресса (ИНК) вернулась во власть. Это, впрочем, не остановило механизм конфессионализации страны, запущенный еще в начале XX в. созданием политических партий на религиозной основе и разделом в 1947 г. британской колонии на «исламский» Пакистан и потенциально «светскую» Индию, где статистика относит к категории «индусы» более 80% населения. В условиях перманентного противостояния с ближайшим соседом и понимания секуляризма как равного отношения и взаимодействия государства со всеми религиями щедро «смазываемый» механизм конфессионализации продолжал работать на укрепление представления о *хиндутве*¹ как идеологии индусского большинства и об индуизме как культурной основе индийского субконтинента. Так сформировалось представление о «религиозном национализме», а понятия «индиец» и «индус» стали варьироваться как синонимы.

---

¹ Здесь: «...очень сильное ощущение индусской идентичности, жаждущей создания индусского государства». Этапы концептуализации и кристаллизации соответствующей этой концепции культурной модели см.: [Глушкова, 2004, 2007, 2010]. *Хиндутва* практически стала государственной идеологией и культурной практикой в период правления НДА.

Важным источником общественно-политического дискурса стали феномен «оскорбленных чувств» и его коллективная манифестация. Эти «чувства» возбуждаются с использованием ситуаций, которые складываются вокруг локальных индуских святынь, но транслируются традиционными и электронными СМИ по разряду «национально значимых».

Две ситуации в диаметрально противоположных концах страны – на юге штата Тамилнаду и на севере штата Джамму и Кашмир – стали поводом к массовым кампаниям в других частях Индии, преимущественно в так называемом поясе хинди¹, где находится федеральный центр (Дели) и формируются основные политические тренды.

«Движение в защиту Рам-сету» появилось в ответ на угрозу разрушения в Полкском проливе цепочки подводных скал, воспринимаемых как «мост, [выстроенный богом] Рамой²»; «Агитация в защиту Амарнатха», фаллического образа Шивы, образованного ледяным сталагмитом, возникло из-за передачи земли в Кашмире, на 95% заселенном мусульманами, под инфраструктуру для паломников-индусов и последующего аннулирования землеотвода. Оба объекта, имеющие сравнительно недавнюю историю политической эксплуатации, оказались связанными друг с другом не только исходным «земельным» вопросом и совпадением во времени, но и тем, что их отождествляют с северными и южными границами государства. В кульминационный момент оба случая соседствовали друг с другом в различных СМИ и выстраивали образ страны, охваченной единым порывом негодования. Репортажи, сопровождаемые видеорядом бурных протестов, дополнялись оглашением требований в адрес Центра и программами акций в разных частях страны для всех, кто считал, что «чувства индусов оскорблены». Через вербализацию и воспроизводство положения об «оскорбленных чувствах» исповедующие

---

¹ Хинди имеет статус официального (наряду с английским) языка Индии. По результатам переписи 2011 г. он (в виде разных диалектов) является родным языком 41% индийцев (из общего числа в 1 млрд. 192 млн.) из Северной Индии и северных районов Центральной Индии.

² Транскрипция имени – Рама – восходит к санскриту и прижилась в таком виде в русском языке; однако в современных индийских языках имя бога звучит без конечного «а» – Рам.

индуизм индийцы и узнавали о развитии событий, должных «затронуть их чувствительность».

СМИ также провозглашали особую значимость Рам-сету и Амарнатха, опираясь на цитаты общеиндийских авторитетов, которые продвигали интеграционный потенциал святынь в период национально-освободительного движения и объединения постколониальной Индии: «Было время, когда паломники передвигались пешком из Канья-Кумари (мыс на крайнем юге, недалеко от “моста”. – И.Г.) в Кашмир и затем, перенося множество лишений, восходили к Амарнатху...» (Махатма Ганди). Апеллируя не только к эмоциям, но и к гражданскому сознанию, СМИ объявляли эти святыни «индусскими аванпостами» и наделяли их функциональной значимостью, т.е. способностью «защищать» как от рукотворной интервенции на севере, так и от природного катаклизма наподобие цунами на юге.

Общим свойством СМИ, особенно важным в эпоху непрерывного коммуникативного процесса, признается их способность навязывать аудитории модели восприятия и формировать тенденции. Индийский коллега, не осведомленный о моем исследовательском проекте, заметил в электронном письме: «Теперь наши жизни определяются тем, что диктуют СМИ». Это высказывание верно и в отношении образа индуизма, который создается в СМИ, даже вне зависимости от приверженности того или иного органа к той или иной идеологии или событию¹. Важно, однако, что регио-

---

¹ Мое исследование базируется на печатных версиях газет на хинди, издаваемых в промежуточной части страны – хиндиязычном хартленде (*Navbharat Times* [NT], *Amar Ujala* [AU], *Hindustan* [Hind], *Dainik Jagran* [DJ], *Rashtriy Sahara* [RS], *Aj* [A]): именно здесь события в двух отдаленных точках надолго определили основной новостной и аналитический контент. Кроме того, я использовала англоязычную прессу, издаваемую в Нью-Дели и других городах Северной Индии, а также в мегаполисах Мумбаи и Колкате (*Hindustan Times* [HT], *The Times of India* [TI], *The Hindu* [H], *The Indian Express* [IE], *The Asian Age* [AA], *The Tribune* [Tr], *The Telegraph* [T], *The Pioneer* [P]). Преимущественный упор на бумажную прессу объясняется тем, что она по-прежнему имеет в Индии преобладающую аудиторию. Карикатуры в прессе, отражающие существующие в обществе стереотипы, «изображают среднего / обычного человека за газетой или перед телевизором; рядом с ним стоит жена, предлагающая ему чай или кофе» [Anand, 2012].

Согласно 55-му Ежегодному отчету о состоянии индийской прессы, в стране выходят 1790 наименований газет на хинди общим тиражом 155 494 777 и 1406 – на английском общим тиражом 55 670 184 [IE, 06.01.2012].

нальные СМИ из хиндиязычного хартленда и англоязычная пресса мегаполисов транслируют создаваемое ими представление о религии как в Индии, так и за ее пределами.

«Движение в защиту Рам-сету»: Краткий экскурс

Проект углубления морского дна в районе цепочки островов, известных как Адамов мост, или Рам-сету, в юго-восточной части Бенгальского залива возле побережья Тамилнаду существовал с 1860-х годов. В 1998 г. правительство НДА окончательно одобрило его, но фактически он был начат через семь лет, в период правления Объединенного прогрессивного альянса (ОПА) под эгидой ИНК. Проект ставил целью создание в акватории между Индией и Шри-Ланкой каналоподобного прохода в обход островного государства, чтобы сократить на 400 км маршрут крупнотоннажных судов.

Древнеиндийская эпическая поэма «Рамаяна» вышла в Индии на новый виток популярности в конце 1980-х годов, после показа по национальному телевидению 78-серийного фильма: так вся страна узнала, что небожитель Рама, главный герой эпоса, родился не в мифологической Айодхье, а в реальной, расположенной на реке Сарайю в самом многонаселенном штате хиндиязычного пояса Уттар-Прадеш. Земное явление бога в облике царевича было вызвано необходимостью спасения *дхармы*, закона чести и справедливости, попранного десятиглавым демоном Раваной. Чтобы сподвигнуть Раму к борьбе против архетипического зла, прочие боги изобрели многоходовую интригу, в результате которой Рама был изгнан из царства. Он несколько лет бродил по Индии, тем самым освятив землю полуострова, а когда демон выкрал его жену и увез ее на остров Ланку, отправился на ее поиски. Как рассказывает эпос, Рама и его соратники долго искали Ситу и, дойдя до конца суши, перекинули мост, т.е. Рам-сету, по которому добрались до Ланки. Более поздние источники уточняют, что, когда цель была достигнута (Сита спасена, а демон-похититель Равана уничтожен), по приказу Рамы мост был разрушен. Обратившись в 1989 г. с призывом собирать «кирпичи Рамы» для постройки храма в Айодхье¹,

---

¹ См.: [Глушкова, 2004, 2007]. Сюжету о подготовке и приведении в исполнение 6 декабря 1992 г. плана разрушения мечети Бабура, на месте которой

Вишва хинду паришад (ВХП, Всемирный совет индусов) символически отождествил их с камнями Рам-сету, с помощью которых «божественным промыслом была одержана победа над демонами» [Rajagopal, 2001, p. 218; Глушкова, 2004].

В 2002 г. Национальная администрация по авиации и космическому пространству США (NASA) опубликовала космическую съемку цепочки песчаных островков в Полкском проливе, тянущихся от материка к Шри-Ланке, а в 2005 г. поборники *хиндутьвы* объявили их развалинами того самого моста. «Раштрийя сваямсевак сангх» (РСС, «Союз добровольных служителей нации») и родственные организации начали кампанию за «сохранение наследия Рамы» и подали петицию в Верховный суд. Экспертный акт Археологической службы Индии (АСИ) сообщил, что островки «рукотворными» не являются, а представляют собой естественные образования, форма которых сложилась под воздействием волн и отложения осадков. Акт также говорил, что мифологические тексты наподобие «Рамаяны» «не могут считаться историческим документом, безусловно доказывающим существование [тех или иных] персонажей или [подтверждающим] их действия» [Frontline, 05.10.2007, p. 5].

«Семья» РСС объявила, что и углубление дна, и заключение АСИ о неисторичности Рамы «оскорбляют» религиозные чувства «миллионов индусов», и встала на защиту Рам-сету, предупредила лидеров ОПА, что «если проект не будет остановлен, гнев индусов, обращенный на правительство, повсеместно вырвется наружу» [Frontline, 05.10.2007, p. 14]. И хотя правительство ОПА отозвало экспертизу АСИ и отстранило ее авторов от работы, СМИ продолжали подогревать «ярость и возмущение» в разных частях страны.

В обсуждение события вовлеклись представители региональных и федеральной элит. Газеты цитировали главного министра коммунистического правительства Западной Бенгалии Буддхадеба Бхаттачарье, назвавшего Раму «просто полетом фантазии поэтов». В ответ суд в Музаффарпуре предъявил ему иск в связи с высказыванием, оскорбляющим религиозные чувства приверженцев Рамы [TI, 28.06.2008]. Главный министр Тамилнаду и лидер партии «Дравида муннетра кажагам» (ДМК) Карунанидхи ехидно

предполагалось возведение храма, посвящена обширная литература на всех европейских и индийских языках.

спросил, «какой инженерный колледж окончил Рама», а Джаялалита, глава оппозиционной «Всеиндийской Анна дравид муннетра кажагам» (ВИАДМК), выступила с требованием о признании Рам-сету национальным памятником. В то время как один из старейших лидеров БДП Л.К. Адвани требовал акта покаяния от главы ИНК Сони Ганди и премьер-министра правительства ОПА Манмохана Сингха, федеральный министр юстиции Хансрадж Бхардвадж выразил собственное мнение, заключавшееся в том, что «существование Рамы не может быть подвергнуто сомнениям, поскольку Гималаи это Гималаи, Ганга это Ганга, а Рама это Рама» [Hind., 14.09.2007].

В противоположность другой святыне, расположенной поблизости, – древнему Рамешвараму, Рам-сету в своем материальном виде никогда не был объектом поклонения индусов¹. Тем не менее Центр приступил к новым изысканиям, чтобы выбрать другое направление, которое бы не пролетало через Рам-сету, а «мост Рамы» тем временем превратился в своего рода религиозную достопримечательность.

«Агитация в защиту Амарнатха»: Краткий экскурс

История Амарнатха, или «Вечного владыки», чей иконический образ формируется из льда к концу весны и через пару месяцев превращается в талые воды, началась немного раньше появления первого предложения об углублении дна между Индией и Шри-Ланкой. Поклонение этому более чем трехметровому ледяному сталагмиту, который воспринимается как фаллическая манифестация Шивы, вопреки противоположным утверждениям, возникло недавно. Начало паломничества на высоту 4 тыс. метров в гималайскую пещеру в Лиддарской долине Южного Кашмира датируется приблизительно серединой XIX в. Укрытый в пещере шиваитский символ, вероятно, превратился в объект княжеского патроната при Гулабе Сингхе (1846–1857), правителе Джамму и Кашмира, княжества, образованного колониальной властью. Гулаб

---

¹ Сохранились сведения, что до начала XIX в. Рам-сету был связан с ритуалами кремации и погружения останков в океанские воды [Mumbai Mirror, 01.10.2007].

Сингх «аккуратно подчеркивал свой статус правителя-индуса», совершая паломничества к святыням, в том числе к Амарнатху [Rai, 2004, p. 101, 103]. Согласно информации из газет начала XX в., «праздник Амар Натха проводился в Кашмире... невероятно пышно и церемониально» (цит. по: [ор. cit., p. 215]). Будучи популярным среди индусов Джамму и Кашмира и индусов Пенджаба, он сохранял местный характер вплоть до достижения Индией независимости. Паломничество и в 1970-х годах оставалось региональным событием, проходившим на фоне девственной природы, о чем свидетельствуют случайные вырезки из моих архивов, а широкую известность приобрело в 1990-е годы вследствие осложнения ситуации в Кашмире и обострения индо-пакистанских отношений.

Как раз во время того десятилетия боевики начали нападать на паломников, направлявшихся к Амарнатху. После проведенных Индией и Пакистаном ядерных испытаний (1998) и военного конфликта в Каргиле (1999), расположенном недалеко от Лиддарской долины, в 2000 г. был сформирован официальный орган – Комитет святыни Шри-Амарнатха во главе с назначаемым федеральным Центром губернатором Джамму и Кашмира. С этого момента паломничество стало контролироваться из Дели, вплоть до непосредственного участия в нем министра обороны, христианина Джорджа Фернандеса [НТ, 19.07.2003]. Первая глава из исследования Субарно Чаттарджи с анализом медийных дискурсов Индии и Пакистана так и называется – «Каргил и консолидация “индийскости”: обзор каргилской войны в СМИ» [Chattarji, 2008].

В силу длительного исторического сосуществования различных религий и конфессий множество индийских святынь обладают равной притягательностью для разных религиозных групп. Пещера Амарнатха была обнаружена пастухом-мусульманином; более того, разветвленная династия «основателей и выгодополучателей» Маликов традиционно выполняла функции проводников, носильщиков грузов и носилок с паломниками, погонщиков мулов, т.е. являлась фактическим организатором индусского паломничества. Однако инициированный новым Комитетом акт отменил привилегии мусульманских семейств, которые – наряду с жрецами-индусами – получали свою долю от жертвенных приношений, и замкнул все оргвопросы на себя.

Под эгидой губернатора, отставного генерал-лейтенанта К.С. Синхи (2003–2008), Комитет приступил к широкомасштабной

рекламной кампании паломничества и открыл более 90 пунктов регистрации участников в отделениях Банка Джамму и Кашмира по всей стране. Эмоционально привязанный к кашмирской земле воспоминаниями молодости¹, Синха заявил: «Индия может гордиться паломничеством, которое **теперь** (выделено мной. – И.Г.) притягивает к себе внимание как внутри страны, так и за ее пределами» [Т, 18.06.2003]. Вопреки сопротивлению главного министра Джамму и Кашмира (тогда муфтия Мохаммада Саеда из Народно-демократической партии – НДП), Комитет увеличил период посещения Амарнатха от двух недель до (начиная с 2005 г.) двух месяцев. Одновременно Высший суд Джамму и Кашмира вынес решение в пользу Комитета, передав ему все полномочия и запретив какое бы то ни было вмешательство правительства штата в организацию паломничества. Тем самым контроль за региональным по существу паломничеством был окончательно закреплен за Дели и назначаемым оттуда губернатором.

Новый виток проблем закрутился в июне 2008 г., когда правительство штата во главе с Гуламом Наби Азодом (ИНК) распорядилось передать Комитету 100 акров лесных угодий для якобы временных построек для паломников. Собственно Кашмир с 95% мусульман сотрясли мощные протесты, направленные против нанесения ущерба экологии гималайского предгорья и попыток «чужаков», т.е. индусов из Джамму и других мест, изменить религиозную демографию Кашмирской долины. Оценивая мощь возмущения, новый губернатор и глава Комитета святыни Шри-Вора распорядился о возврате участка, а правительство штата отменило собственное распоряжение. Тогда, подстегиваемая спешно созданными объединениями в защиту паломничества к Амарнатху, взорвалась другая часть штата, Джамму, заселенная 66% индусов. Выражая гнев по поводу того, что индусов не допускают к святыне, протестующие перекрыли единственную магистраль, ведущую к Кашмирской долине, и устроили экономическую блокаду. Следствием стала новая вспышка сепаратизма в Кашмире и де-

---

¹ Синха участвовал в воздушном десанте в этот регион в октябре 1947 г. для противодействия пакистанским вооруженным отрядам, пытавшимся присоединить Кашмир к Пакистану.

монстративный марш в сторону «линии контроля»¹, который закончился огнем со стороны индийских Сил национальной безопасности и гибелью людей. Бросок в сторону Пакистана был не воспроизводством старых требований о независимости Кашмира, но акцией межпартийного блока Всепартийная конференция хуррият («Свобода»), объявившего, что догра – индусы Джамму – вольны отделиться и образовать собственный штат – Догра-деш, если они не хотят считаться с мнением мусульманского большинства [НТ, 07.09.2008]. Индусские активисты высыпали на улицы и в знак протеста совершили несколько публичных самоубийств.

Введение губернаторского правления также сопровождалось буйными протестами и акциями вандализма с разных сторон, пока в результате многоступенчатых переговоров и утрясок не было принято компромиссное решение: выделять 40 акров лесных земель только на разрешенный период паломничества. В целом «земельный» вопрос существенно «перетряхнул» электоральные симпатии: «шафрановая» БДП² и сепаратистская НДП завоевали новые голоса, потерянные секуляристскими ИНК и Национальной конференцией [АА, 29.12.2008]³.

СМИ и идеологема «оскорбленных чувств»

Эти схематические версии событий сложились в результате сопоставления многочисленных газетных и журнальных вырезок с моего рабочего стола. Религия в них тесно перплелась с политикой, неизбежно напоминая о предстоявших в 2009 г. общеиндий-

---

¹ «Линия контроля», установленная после прекращения боевых действий между двумя странами в 1949 г., разделяет собственно Кашмир на две части: контролируемый Пакистаном Азад («Свободный») Кашмир и Кашмирскую долину в составе индийского штата Джамму и Кашмир. Ни Индия, ни Пакистан не признают «линию» в качестве окончательной границы.

² БДП в качестве политической партии является главным проводником *хиндутвы*, которая ассоциируется с густо-оранжевым – шафрановым – цветом по окраске знамени воинствующего индуизма, якобы поднятым в XVII в. Шиваджи, правителем из Западной Индии, воевавшим с мусульманами.

³ Новое правительство штата во главе с Омаром Абдуллоу – результат договоренностей между ИНК и Национальной конференцией. По сведениям из центрального МВД, в бурное лето 2008 г. к Амарнатху ушли 529 тыс. паломников [НТ, 21.08.2008].

ских выборах в нижнюю палату парламента и законодательные собрания некоторых штатов и увязывая вопросы развития с национальной безопасностью. Выражение Маршалла Маклюэна – «оповещение и есть событие»¹, подразумевающее, что факт новостной коммуникации может стать более значимым, чем само событие, получило убедительное подтверждение: и «Движение», и «Агитация» объединили и разъединили множество людей, а среди известных журналистов и политических аналитиков не осталось никого, кто бы не выступил со своей оценкой событий. СМИ спустили курок «оскорбленных чувств» индусов, распространяя по всей стране официальные заявления и документируя шаги «оскорбленной» стороны.

Вообще «чувство, аффект или эмоция в том виде как они переживаются индивидом, представляют собой явление частного порядка и не обязательно видны окружающим» [Oller, Wiltshire, 1997, p. 33]. Однако «оскорбленные чувства» выступают как своего рода идиома или – в устоявшемся контексте – идеологема, которой делегировано коллективное представительство. Когда / если речь заходит об «оскорблении», эти демонстративно заявленные «чувства» сигнализируют о поиске и мобилизации единомышленников, где бы они ни находились, произвольно расширяя границы религиозного сектора. В таком понимании «оскорбленные чувства» со шлейфом сопровождающих их последствий представляют собой новый социокультурный феномен, который уже мощно заявил о себе преимущественно в религиозной и этнолингвистической сферах практически по всему миру. Еще 15–20 лет тому назад пришедшее из английского словосочетание *hurt sentiments* и его кальки в индийских языках не имели постоянной прописки в общественном пространстве и «ментальной программе» индийцев².

---

¹ Иные варианты перевода выражения *the medium is the message*, например «средство коммуникации есть сообщение» [Маклюэн, 2003] и «посланник – это послание», [Ройтман, б. г.] представляются мне неверными.

² Стремительный старт этого явления можно отсчитывать с 1988 г., когда «Сатанинские стихи» Салмана Рушди были запрещены правительством ИНК во главе с Радживом Ганди еще до фетвы иранского аятоллы. Собственную историю и сам Рушди называет прологом и предвестником этого мирового феномена в интервью, озаглавленном «Нет права не быть оскорбленным» [Н, 06.10.2012]. Эту мысль он развил в автобиографическом романе «Джозеф Антон» (М.: Астрель, 2012).

Существовали иные вербальные формулы мобилизации – такие, как «сбережем дхарму индусов», «произносите гордо: мы – индусы!» и «защитим асмиту»¹, которые проникли в публичную сферу из риторики РСС, ВХП, партии «Шив-сена»² и других объединений, агрессивно распространявших идеологию *хиндутвы*.

Если англоязычные газеты, информируя о развитии событий, оперировали одной и той же идиомой – *hurt sentiments*, то газеты на хинди не выработали единого клише. Они говорили о «тяжелом ударе тяжелым оружием-нападении-налете на верования-чувства-эмоции миллионеров», о «причинении вреда-нанесения раны-нанесения оскорбления-выражения неуважения простому индусу», о «нанесении царапин, повреждений, увечий менталитету людей», о «намеренно жестокой игре с религиозным преклонением», о «сознательном заговоре» и переключались с «миллионов верующих» на «обычного индуса»³.

СМИ, оповещая, что «чувства» индусов «оскорблены», сами изобретают аналоги этих выражений на региональных языках⁴.

В устной беседе американский политолог Дэвид Джилмартин напомнил мне об Индийском уголовном кодексе 1860 г., принятом колонизаторами, где раздел XV носит название «Об обидах, имеющих отношение к религии», а ст. 298 говорит о «произнесении слов и т.д. с осознанным намерением ранить религиозные чувства другого человека». Эта «ориенталистская» статья остается в том же варианте и 150 лет спустя, а ее юрисдикция распространяется на всю Индию, хотя она ни в коей степени не связана с южноазиатскими представлениями о религии. Возможность «ранения религиозных чувств» как предлог / повод в дальнейшем широко использовалась колониальной администрацией при проведении политики «разделяй и властвуй» [Freitag, 1989].

¹ Исследованию *асмиты* (эготизма), переосмысленной как «этническая гордость», «национальное самоуважение» и «самобытность», посвящена моя статья «Филологический анализ идеологической риторики. Маратхи в поисках национальной идеи» [Глушкова, 2002; Glushkova, 2006].

² Шив-сена – «Армия Шиваджи», см. прим. 9.

³ Хинди (вместе с диалектами), будучи основным языком «срединной» части Индии (Доаб), где *хиндутва* имеет прочные позиции, обладает богатейшим набором выражений с лексемой «удар», поэтому диапазон оригинальных вариаций гораздо шире, чем предложено русскими переводами. Возможно, аналоги «удара» появились под влиянием физической, телесной семантики английского *hurt*. Не имеют устойчивых выражений для «оскорбленных чувств» маратхи, бенгали и другие региональные языки.

⁴ Знакомый тамил из Тамилнаду на вопрос, как перевести выражение «оскорбленные чувства» на тамильский, ответил: «Надо посмотреть в газете».

Независимо от позиции того или иного источника и убеждений того или иного автора, репортаж с митинга ВХП или пресс-конференции БДП содержит одни и те же детали, тем самым предлагая определенную модель поведения. Публика подхватывает выражения и мысли, первоначально появившиеся в СМИ, и воспроизводит их в реальной жизни. Так, «Hindustan» отразил позицию защитников «моста Рамы», вставляя их собственные выкрики в серии заголовков: «С верой шутить – ошибка», «Мы не позволим играть с верой!», «Будем стоять до последнего вздоха», «Терпение истощилось», «Индусы всего мира объединятся!» и т.д. [Hind., 14.09.2007]. С помощью аллюзий СМИ бесконечно эксплуатировали шаблонные фразы, приписываемые известным персонажам, как, например, восклицание «О, Рам», якобы произнесенное Махатмой Ганди в момент смерти и включенное в заголовок «О, Рам, прости, это была ошибка» [там же]. Газеты обыгрывали известные фразеологизмы: «Центр сказал Рам-Рам (т.е. распрощался. – И.Г.) собственной экспертизе» [AU, 14.09.2007] и следующим образом утверждали аутентичность моста: «Есть Рам, значит, есть и Рам-сету [который он построил]» [RS, 15.09.2007] и «Никто не может оспорить существование Рамы» [DJ, 17.09.2007]. В целом ситуация с «мостом» стала удобным поводом, чтобы напомнить обществу различные сюжеты, связанные с Рамой и дополненные «актуальными» изысканиями. Они утверждали представление о том, что Рама – историческое лицо и что он несет на своих плечах всю конструкцию, называемую индуизмом, который, в свою очередь, скрепляет Индию. Постепенно менялся и диапазон риторики: от «оскорбленных чувств» «миллионов» до «удара в самое сердце Индии».

Мифологическое обеспечение паломничества к Амарнатху заключалось в пересказе двух легенд: одна сообщала, что в пещере Лиддарской долины Шива раскрыл своей супруге Парвати секрет бессмертия, из-за чего ледяной фаллос и получил название «Вечный владыка»; вторая вносила уточнения о встрече Маликапастуха с индуским вероучителем, который указал мусульманину пещеру со сталагмитом. Набор легенд, связанных с Амарнатхом, и их способность символизировать индускую идентичность были в некоторой степени девальвированы в 2006 г., когда вскрылся факт искусственного наращивания несформировавшегося к началу паломничества сталагмита, к чему имели отношения Комитет святых Шри-Амарнатха и жрецы-индусы. Поэтому в 2008 г. во время

«Агитации в защиту Амарнатха» СМИ делали основной упор на трагические развороты в «попранном раю». Например, один и тот же номер «Hindustan Times» рядом с дневной статистикой насильственных смертей разместил следующие заголовки: «Джамму пылает», «Кризис в Кашмире», «Это межобщинное насилие» и «Вера выше национальных интересов», сопровождая их фотографиями индийских и пакистанских флагов, реюющих над охваченными безумством толпами, и городских улиц, усыпанных товарами из разграбленных магазинов [НТ, 13.08.2008]. Каждая новая информация наращивала эмоциональный заряд заголовков, описывая эскалацию конфликта («Попытки еще больше раздуть пламя вокруг Кашмира» [NBT, 19.08.2008]) и непримиримость враждующих сторон («Принесен в жертву на алтарь ненависти. Война из-за земли в Джамму и Кашмире породила культ смерти. Это результат долгой истории взаимной злобы» [Н, 20.08.2008]).

Одновременно СМИ соблюдали условия «обратной связи», размещая письма читателей. Последние писали: «Ни одно правительство не имеет права играть с чувствами миллионов людей, которые думают иначе», «СМИ обязаны организовать честное обсуждение этих вопросов, обеспечив право на высказывание каждой из сторон» [НТ, 15.09.2007] и «Освещение инцидентов должно осуществляться в правильной тональности» [ТГ, 16.08.2008]. При этом СМИ и их сотрудники сами становились объектом словесных нападков и физических нападений.

Язык «оскорбленных чувств»: Слова и образы

Ученые-психологи объясняют, что «эмоции выражают исключительно субъективный опыт» или «потенциально насыщенные внутренние чувства» [Weiten, 1995, p. 401]. Эти проявления «считаются реакциями на окружающий мир, опосредованные собственным пониманием этого мира» [D'Andrade, 1987, p. 124]. В рассматриваемых случаях ситуация иная: «оскорбленные чувства» не опосредуются индивидуальным пониманием, но поступают в виде «готового продукта», произведение которого приписывается коллективному опыту. Оповещение об «оскорбленных чувствах» и уточнение повода, послужившего их «оскорблению», исходят от СМИ. Часто, если не всегда, сам «повод» и провозглашение его

«оскорбительным» разделены временным интервалом¹. Ни в коей мере не отражая реального психологического процесса, т.е. переживания субъективного опыта, оповещение об «оскорбленных чувствах» становится «выражением-приманкой», обозначая цель для коллективных действий. Более того, как показывает семантический анализ публикаций, «оскорбленные чувства» инициируют вполне определенные эмоции – гнев или ярость.

Репортеры описывали протестующих участников обеих кампаний как «рассерженных», «обозленных», «яростных», «разгневанных», «взбешенных», которые поначалу «пытались сдерживать самих себя», но потеряли терпение, поскольку «это было уже чересчур», «хватит, в конце концов!», «больше не в силах!». В результате защитники Рам-сету и сторонники паломнического обустройства кашмирской земли стали восприниматься как носители эмоциональных состояний «гнева», «ярости», «злости» и «бешенства». Известный неогуру и пропагандист йоги Рамдев «взорвался» от негодования по поводу неуважительного отношения к Раме и «Рамаяне». Отрицание достоверности эпического свидетельства было также воспринято как неуважение к Валмики, мифическому автору «Рамаяны», и поэтому «взорвалась» уже североиндийская каста, самоназвавшая себя его именем². Генеральный секретарь ВХП Правин Тогрия «рычал... выкрикивал резкие слова...» и т.д.

Слова были не только «резкими», но несли в себе прямую угрозу: «Мы проучим тех, кто настроен против Рамы...», «Им придется столкнуться с еще более мощным протестом», «Настоящий индус приготовит зубодробительный ответ». Каждый информационный орган оповестил, что Рамвилас Веданти, лидер «Движения [в защиту] места рождения Рамы», объявил награду в золоте, равную весу отрубленной головы и вырванного языка Ка-

¹ «Шафрановая реакция» в отношении картин с изображением индусских богинь выдающегося художника-мусульманина М.Ф. Хусейна, «отложенная» практически на два десятилетия, представляет собой наиболее яркий пример. Против Хусейна было подано около сотни исков, объявлены награды за его убийство и увечья, разгромлены музеи и студии с его полотнами. Устав бороться, художник, которому на тот момент было за 90, эмигрировал из Индии и, незадолго до своей смерти в 2011 г., принял гражданство Катара.

² Имя Валмики стала использовать каста североиндийских мусорщиков для поднятия своего статуса за счет авторитета мифологического автора, легенды о котором содержат упоминания о его буйной юности на больших дорогах.

рунанидхи, президента ДМК (на тот момент еще и главного министра Тамилнаду!), за его кощунственный вопрос об «инженерном дипломе Рамы». С учетом того, что индийский Юг никогда не жаловал северного пришельца Раму, отдавая симпатии «южанину» Раване, ничего кощунственного в этом сарказме не было. Также равнодушен к вишнуитскому индуизму и индийский Север, традиционно отдающий предпочтение шиваизму и шактизму¹.

Ситуация, которую СМИ называли «войной слов», привела к реальным погромам частной собственности, общественного транспорта, партийных офисов, торговых кварталов и – как следствие – к причинению увечий и убийствам. Если искры «Движения в защиту Рам-сету» разлетались в более широком диапазоне – по Северной Индии и тем штатам, где власть принадлежала БДП, то «Агитация в защиту Амарнатха» велась с бóльшим насилием вследствие очевидного конфессионального размежевания противоборствующих сторон². СМИ неустанно «обучали» протестующих, подбрасывая методики противостояния: шествие с флагами, костюмированную процессию, уличный показ «Рамаяны» или инсценировки шиваитской легенды, погром, блокаду, сидячую забастовку, отставку, публичное самосожжение, сжигание чучел, голодовку, нападение на активистов, закидывание камнями, принуждение к закрытию рынков, провозглашение лозунгов, митинг, уничтожение общественного транспорта и многое другое. Одна из причин, по которой я сочла возможным смешанный анализ англо- и хиндиязычных текстов, заключается в смешении английского и хинди в СМИ на обоих языках, т.е. в намеренном употреблении так называемого хинглиша, который широко и агрессивно используется в рекламной и пиаровской кампаниях последнего десятилетия. Эта смесь, дополнительно усиленная инверсией, весьма характерна

---

¹ В вишнуизме почитают Раму, Кришну и другие земные воплощения верховного бога Вишну; в шиваизме лидером является Шива: в шактизме – женская энергия богинь.

² В обращении на имя премьер-министра Манмохана Адвани уверял, что противостояние не было межконфессиональным, но «исключительно националисты *versus* сепаратисты» [Media press release..., 2008]. Вообще, в индийском политическом лексиконе «националист» (*nationalist*) и «националистический» (*nationalistic*) имеют иные, нежели в русском употреблении, коннотации – от «государственника» и «государственного» до «гражданина Индии, свободного от внешних влияний».

для «кричащих» заголовков и обладает способностью удерживать внимание и оставаться в памяти, например: «*Amarnath par kendr se “war” ke “mood” me bijepi*» («В связи с Амарнатхом БДП испытывает желание устроить Центру войну») [NBT, 19.08.2008].

Повтор метафор войны для описания обоих сюжетов укреплял воинствующую составляющую медийного образа индуизма. СМИ – собственным языком или цитатами – без устали твердили о «брошенном вызове», о «взятых на мушку» и «превращенных в мишень», а эскалация обоих конфликтов характеризовалась как «развязывание кровавой битвы» и «война между дхармой и недхармой». Решимость не сдаваться облекалась в фразеологический оборот «достичь победы любой ценой», а уступки правительства – то в одну, то в другую сторону – как капитуляция. Например, временное замораживание проекта в Полкском проливе объяснялось тем, что правительство «в страхе опустилось на колени, опасаясь гнева Рамы» [DJ, 15.09.2007]. Освоение метафор войны указывало, что вопрос не имеет шансов быть решенным через обсуждение, совместную проработку и взаимные уступки

В ход была пущена магия таких лексем, как *nation* (нация) и *desh* (страна) в совокупности с постоянной апелляцией к имени страны и древним, часто мифологическим, аналогам, чтобы вызвать насквозь пропитанное индуизмом чувство национальной солидарности. «Dainik Jagran» сообщила, что «правительственное заявление по поводу Рам-сету вызвало землетрясение по всей стране» [DJ, 18.09.2007]; далее газета утверждала, что «преступление, совершенное правительством, не может быть прощено», и оповестила, что «страна призвала [председателя ИНК] Соню Ганди и премьер-министра к ответу» [DJ, 24.09.2007]. «Sunday Hindustan Times» процитировала президента БДП Раджнатха Сингха, назвавшего аннулирование выделенной для паломников к Амарнатху земли «национальной трагедией» [Sunday Hindustan Times, 06.07.2008]. СМИ повторяли, словно заклинание, выражения «культурное наследие» и «цивилизация миллионов и миллиардов (sic!) безымянных индусов», которые чувствовали себя «оскорбленными» и готовы были немедленно заявить об этом.

«Лексика войны» существенно подкреплялась визуальным материалом, который газеты размещали на первых страницах и / или внутренних разворотах, полностью посвященных одному из двух событий. Локализуя Рам-сету, они воспроизводили карту

южной оконечности Индии и соседней Шри-Ланки в соседстве со снимком NASA. Обозначая местоположение Амарнатха, они публиковали карту северных районов страны, включая и Азад Кашмир, находящийся по ту сторону «линии контроля», в состав Индии. Таким образом, почти в одно и то же время страна увидела себя в кольце проблем, «оскорбляющих чувства» индусов.

Эта картография неизменно сопровождалась видеорядом протестов и насилия, приводящих к несчастным случаям и бессмысленным разрушениям. Изображения разгневанных активистов или раненых людей в состоянии ужаса и шока соседствовали со сценами материального ущерба, запечатленного через клубы дыма и всполохи пламени. Визуальные образы массовых манифестаций и сопутствующего транспортного коллапса оказывали более сильное воздействие, чем вербальная информация, и подхлестывали тех, кто еще не определился. Фотографии политических и религиозных лидеров, высказывавшихся о Рам-сету и Амарнатхе, и картинки с мест символических акций – как, например, игра на флейте в храме или имитация ведийского жертвоприношения прямо на оживленной улице, – в целом ни о чем не информировали, но давили на чувствительность и призывали каждого к посильному участию.

Изображения детей еще больше подстегивали читателей и зрителей, поскольку невинность детского личика, катастрофически контрастируя с кошмаром из мира взрослых, вызывала особо острые эмоции. «Hindustan Times», например, поместил фотографию девочки с индусским ритуальным знаком во весь лоб: она держала в руках меч участника кампании «Заполним тюрьмы, но идеалы не предадим!». Жирный шрифт пояснения сообщал: «С раскрашенными лицами и яркими флагами дети идут к суду, чтобы подвергнуть себя аресту» [НТ, 21.08.2008]. СМИ подчеркивали, что в протестующих толпах в Джамму преобладали индусские детишки («тысячи детей», «дети из всех возрастных групп») и женщины, в то время как ребятня из других частей Индии была задействована для ролевого изображения многочисленных Рам и Хануманов¹ в общественном пространстве – на площадях и улицах. Газеты подчеркивали, что подобные сцены – десятки и сотни заgrimированных под Раму малышей – особенно трогали публику, восприни-

---

¹ Хануман – божественная обезьяна и верный соратник Рамы.

мавшую это зрелище как сошествие на землю божественных клонов, готовых бороться с несправедливостью.

Не секрет, что визуальные – натуралистические или символические – образы, распространяемые СМИ, обладают огромной мощностью, которая и провоцирует чувство гнева, побуждающее к совместным акциям. Эти образы запечатлеваются в сознании людей, превращаясь в компоненты коллективной памяти, которая диктует понимание общности: так индусы хиндиязычного хартленда начинают ассоциировать себя в большей степени с индусами из других регионов, исповедующими иные формы индуизма, чем с проживающими рядом с ними мусульманами или христианами. Перефразируя название книги Грега Фило [Philio, 1990], изучающего воздействие телевизионных меседжей и конструктов на восприятие и сознание зрителей, можно утверждать: «Увидеть – значит поверить».

СМИ и утверждение новой модели индуизма

Политологи и социологи, исследующие формы бытования современного индуизма, хорошо знакомы с терминами «синдикатный», «монолитный» и «организованный», применяемыми для характеристики религии мейнстрима. Они также осведомлены об использовании новейших технологий при конструировании «образного» индуизма и о его «семитизации» в процессе унификации под контролем сил *хиндутвы*, в результате чего создается вполне авраамическая версия с Рамой в качестве верховного бога. Собственно, нет ничего нового в попытках индусского национализма упрочить свой религиозно-культурный диктат на территории Индии: Роберт Фрайкенберг еще 20 лет назад, размышляя о дефиниции фундаментализма применительно к понятиям «индусы» и «Индия», жестко сформулировал: «В современном использовании эти термины – близнецы» [Frykenberg, 1993, p. 233]. Нет никакой особой новизны и еще в одном подтверждении способности индуизма быть воинствующим и агрессивным («...как будто единственный способ оставаться индусом – это бить кого-нибудь или защищать себя» [Mehta, 2004, p. xvi])¹, в том числе, и по отношению

---

¹ Насилие издавна характеризует некоторые разновидности индуизма, как об этом свидетельствуют ежедневные репортажи в индийских СМИ и даже названия научных публикаций. Эта лексема появляется в названиях практически

к самому себе. Идея самоистязания транслируется во множестве деталей, как, например, в самом начале уже упомянутого репортажа («Принесен в жертву на алтарь ненависти. Война из-за земли в Джамму и Кашмире породила культ смерти...»)¹: «...В Джамму, по ту сторону горной гряды Пир-Панджал, Кулдип Кумар Догра завершил трагическим актом самоубийства речь, в которой он требовал предоставить индусам землю возле Амарнатха. Лидеры хиндутвы представили смерть Догры как образец для подражания и получили от аудитории желанный ответ. Протестующие выразили готовность не только умирать, но и убивать» [Н, 20.08.2008].

Анализ медийных технологий применительно к «Движению в защиту Рам-сету» и «Агитации в защиту Амарнатха» выявляет особый – выстраиваемый медийной селекцией – образ «вечной религии», пытающейся одновременно, раз и навсегда, сnivelировать различные оттенки индуизма и заключить территорию страны в «объятия» священных символов. Это достигается навязчивым рефреном всех публикаций, утверждавших, что причиной «Движения» и «Агитации» является феномен «оскорбленных чувств», демонстрирующий «чувствительный» характер религии идусов. Такая легкая возбудимость отчасти коренится в ставшем привычным для индусов «чувстве обиды», которое взращивалось начиная с XIX в. и приобрело институциональную форму в различных традиционалистских и ревайвалистских организациях. Еще десять лет назад исследователь «хиндиязычной медийной революции» Робин Джефф-

---

всех книг Вины Дас [Mirrors of violence, 1990 etc.] и присутствует в двух последних исследованиях Пола Брасса [Brass, 1997, 2003]. Ею также воспользовались Судхир Какар [Kakar, 1996], Томас Блом Хансен [Hansen, 2001] и др. Поэтический эпилог к ежедневной колонке Кхушванта Сингха в «Hindustan Times» объясняет: *...For, at stake is a forest plot / So valuable and so great / That for it, we can burn the whole state, / Burn the whole country, if need be. / For if it is given to shrine, the Valley will die / And if it is not given, the holy Shiv ling to heaven fly* [НТ, 23.08.2008].

¹ Рассказ начинается с описания смерти мусульманского подростка: «Обрамленные прорезями в хиджабе, глаза Шезады Батлу были спокойны и тверды. Если и были в них слезы по сыну, которого она потеряла из-за полицейских пуль, они уже высохли. “Я думаю, каждая мать должна испытывать гордость, что ее сын принес себя в жертву”, – так она сказала о своем сыне Самире Батлу, который был в толпе, напавшей на полицейский участок в Сринагаре...» [Н, 20.08.2008].

фри утверждал: «Газеты создают пространство для совместной деятельности, которой раньше быть не могло» [Jeffry, 2000, p. 18].

Когда в 1980-х годов процесс «рамаизации» страны только запускался, **такого** необозримого пространства и **таких** причин для совместной деятельности не существовало: и то и другое является инновацией. Более того, обе святыни расположены на диаметрально противоположных концах от «пояса хинди» в Северной Индии, который как раз и обеспечивал «пространство» для предшествующих «движений» и «агитаций» и до сих пор остается штаб-квартирой манифестаций «шафранового» индуизма. Здесь же находятся и редакции лидеров хиндиязычной прессы, которые «продолжают работать над стандартизацией языка, вырабатывая его приемлемые формы» [Jeffry, 2000, p. 99], в том числе изобретая разные обороты, базирующиеся на разнообразных синонимах лексем «удар» для обозначения «оскорбленных чувств». Это также объясняет превышение числа хиндиязычных аналогов по сравнению со способами выражения именно этой идеи на других региональных языках Индии.

Сравнительная новизна и отдаленное местоположение обеих святынь, которые, к слову, не обнаруживаются в «классических паломнических маршрутах», известных из традиционной литературы, обеспечили дополнительный импульс для объединения индусских душ и тел. «Души» получили гигантскую дозу мифологической информации, давно известной и «вновь вскрывшейся»; «тела» обнаружили новые векторы модернизированных в духе религиозного туризма паломничеств – религиозной практики, во все времена используемой в целях освоения и присвоения пространства. В результате интерес к Амарнатху пробудился и за пределами собственно Джамму, соседних Химачал-Прадеша и Пенджаба: в 2012 г., наряду с упомянутыми выше отделениями банков Джамму и Кашмир, для регистрации паломников открылись окна в 100 «специально отобранных» почтовых отделениях, равномерно расположенных по всей Индии [Н, 24.05.2012]. К укрытым водой островкам Рам-сету, никогда не являвшимся объектом поклонения, также потянулись паломники и туристы.

В период, когда «Движение» и «Агитация» оставались центральной темой в североиндийской прессе, я ожидала нового эксперимента из области социальной инженерии, который бы соединил Амарнатх и Рам-сету растянувшимися в пространстве грандиоз-

ными процессиями. Эта мысль возникла по аналогии с «жертвоприношением ради единства» в 1983 г., когда ВХП запустил одновременно три марша (от Северного Хардвара к мысу Канья-Кумари на юге, от непальского Катманду к Рамешвараму и от Гангасагара в Западной Бенгалии [но на востоке от Центра] до Сомнатха на западе страны) [Frykenberg, 1993; van der Veer, 2000, p. 124]¹. Однако за более чем два десятилетия стремительного технологического прогресса страна оказалась стянутой иными, не менее прочными, связями, еще более успешно продвигающими эксплуатацию клише о национальном и духовном единстве севера и юга. БДП «грозила тем, что любая уступка сепаратистским и **антинациональным** (зд. и далее выделено мной. – И.Г.) силам в вопросе о предоставлении Амарнатху земли немедленно вызовет **общенациональный протест**» [Н, 30.06.2008] и «**повсеместный хартал в стране**» [Н, 03.07.2008]. Президент БДП Раджнатх Сингх обратился к СМИ с такими словами: «Святыня Амарнатха и ежегодное паломничество к ней – это звено, соединяющее **всю страну в единую цепь**» [Sunday HT, 06.07.2008]. Другие СМИ, оставляя в стороне «кровавые битвы» между политическими противниками, пропагандировали «реалистический подход», который утверждал превосходство героев не только «Рамаяны», но и персонажей из других индусских источников, «**признаваемых от Кашмира до Канья-Кумари и от Катака до Атака**»².

---

¹ *Ekatmatayajna*, букв. «жертвоприношение ради единства». Эта акция была инициирована в целях пробуждения солидарности среди индусов в ответ на переход в ислам около полутора тысяч далитов (из так называемых неприкасаемых каст) Тамилнаду (Meenakshipuram affair). Фрайкенберг, чье блистательное «подведение итогов» относительно наступления фундаментализма в Индии ничуть не утратило своего значения, неправильно «услышал» (*Ekatmata Yajna*) и «перевел» это сложное слово как «жертвоприношение ради общей матери» [Frykenberg, 1993, p. 246], что в принципе соответствует духу хиндутвы, перешедшей в символическом восприятии родины от *pitrubhu*, «земли отцов / предков», отечества, к *matribhumi*, «материнской земле», представленной образом новой богини – «Бхарат-матъ», «Матери Индии», соединенной с картографическим образом государства [см.: Ramaswamy, 2010].

² Концепция «от Катака до Атака» родилась в XVIII в., в период экспансионистской политики Маратхской конфедерации, которая в действительности ненадолго захватила Аттук, с 1947 г. находящийся на территории Пакистана. Так же поздно и еще позднее появились и многие другие, кажущиеся «незыблемыми», представления об индуизме и Индии.

Несомненно, СМИ удалось собственными методами объединить проблемы Амарнатха и Рам-сету в логическое и эмоциональное целое. Оба топонима не только соседствовали в одной газете, на одной странице и даже в пределах единого материала, но перекликались друг с другом из-за одних и тех же имен и организацией, которые были вовлечены в протесты по обеим проблемам. Они соревновались друг с другом, предполагая и подсказывая в заголовках и содержании статей, как можно манипулировать обоими символами в электоральных целях. Например, в статье «Амарнатх и Сету будут фигурировать в предвыборных планах БДП» говорилось: «Одновременно с неразберихой из-за земли для Амарнатха, подбросившей БДП новый ход в ее тактике хиндутвы, партия также решила раскручивать историю с Рам-сету для удержания на плаву своего главного идеологического средства и сохранения своих ключевых электоратов. По вопросу об Амарнатхе партия намеревается представить события так, что правительство поддастся давлению фундаменталистов-исламистов, требовавших аннулировать законное выделение земли и исполнение судебных решений. По вопросу об археологической экспертизе в отношении Рам-сету она будет обвинять правительство в оскорблении чувств индусов, наносимом посредством сомнений в существовании бога Рамы» [ТГ, 16.08.2008]. Другая новость – о маршрутах Л.К. Адвани, тогдашнего кандидата БДП на премьерский пост, – все-таки соединила шиваитскую святыню Амарнатха с Рамой, верховным божеством «организованного» индуизма, посредством физического пемещения: «В среду в Бхадрачаламе в Андхра-Прадеше он посмотрел “Священный храм Рамы”, хиндиязычную версию телужского фильма о возведении храма¹, а в пятницу заторопился на поклон в пещеру Амарнатха в Кашмирскую долину... Там ему доложили, что НДП, вместе с Конгрессом сформировавшая правительство в штате, не позволяет нормально функционировать Комитету святыни...» [Sunday TG, 22.06.2008]. Нандини Сундар из Делийской школы экономики соединила обе ситуации с темой «оскорбленных чувств» и ролью СМИ в статье для «Hindustan Times»: «...по

---

¹ Город (на реке Годавари в южном штате Андхра-Прадеш по соседству с Тамилнаду), где находится один из наиболее известных храмов Рамы. Из новости неясно, шла ли речь об этапах – начиная с XVII в. – строительства храма в Бхадрачаламе или о попытках возвести храм в североиндийской Айодхье.

крайней мере, два недавних случая касательно религиозно значимых мест – Амарнатха и Рам-сету – ярко свидетельствуют о вопиющем потакании силам хиндутвы за счет всего остального, в том числе чувств индусов. И это было сделано ведущими СМИ и основными политическими партиями...» [НТ, 26.08.2008].

Список подобных заявлений и утверждений практически безграничен, подтверждая верное наблюдение Ричарда Кинга, что «национализм в своей основе опирается на имажитивные географию и историю, которые проецируют анахронические символы и смыслы в историю, создавая в результате миф о “национальной” однородности» [King, 1999, p. 78]. Однако сила этого «воображения» используется иначе, с привлечением новых, хотя и замаскированных под старые символов веры, которые могут казаться «анахроническими», но фактически модернизируют религиозный пул индуизма. И ледяной фаллос Амарнатха, и цепь подводных островков Рам-сету суть природные образования, что только усиливает их магнетическое воздействие в эпоху роста экологического сознания. СМИ, невзирая на несовпадение с «историчностью» Рамы, продвигали идею, что «рукотворные» элементы «Рамы-сету» созданы «божественным провидением», и потому оба символа свидетельствуют о «вечности» индуизма. Как отозвался один из читателей в колонке «Письма к редактору», «религия создается не духовными писаниями, а верованиями людей» [НТ, 23.09.2007].

Вклад СМИ в распространение индусских верований и поддержание напряженности также может быть проиллюстрирован возвращением к «сенсационной» проблеме, когда она уже перешла в спящую фазу. Во время наивысшего накала страстей в период «Агитации в защиту Амарнатха», как будто подстегивая индусскую чувствительность, «Sunday Hindustan Times» выделила целую полосу, чтобы напомнить читателям о Рам-сету под заголовком «О, Рам!» и подзаголовком «Пока Дели взбаламучивает политику по поводу Рам-сету, М.Р. Венкатеш отправляется на юг и обнаруживает, что на этом хрупком побережье и вера, и коммерция находятся в опасности». На газетной странице доминирует напоминающая Ханумана обезьяна, обхватившая лапами валун, на котором шрифтом хинди (деванагари) написано «святой Рама». Каждый индиец прочитывает это изображение единообразно – как отсылку к «кирпичам Рамы» из кампании 1989 г. с напоминанием о все еще не построенном храме на спорном месте в Айодхье. Одна

из статей полосы названа «Валуны веры: паломники», что обыгрывает буквальное и метафорическое значения выражения. В содержании указывается: «Остроту ситуации придает то, что посещение Рам-сету и связанных с ним основных паломнических центров индуизма является обязанностью индуса, которую он должен исполнить хотя бы раз на протяжении жизни» [Sunday Hindustan Times, 27.07.2008]¹. Эта «острота» усиливается другим материалом на этой же странице – «Хранители истории: Сетупати из Рамнада», где рассказывается о живых потомках махараджей из Раманатхапурама, «назначенных самим богом Рамой охранять святость моста для последующих поколений верующих».

Свидетельства, весьма ценные для данного исследования, обнаруживает фотография с изображением «восторженной дискуссии о “Рама-чарита-манасе” (“Рамаяна” Тулсидаса) между Атулом Кришной Бхардваджем из Матхуры, священного города в Уттар-Прадеше, и паломниками из того же Уттар-Прадеша, Дели, Харианы, Раджастхана и других штатов»... на берегу Полкского пролива! В то время как «другие штаты» не обозначены, читатель сталкивается с полным североиндийским комплектом: от брахманской фамилии проповедника и топонимов до поэмы Тулсидаса, названной «Библией» хиндиязычного хартленда, хотя – и это не секрет – жители Тамилнаду читают и слушают «Рамаяну» тамильского поэта Камбана, а свои симпатии отдают главному противнику Рамы – Раване². Как следует из «прописки» вышеперечисленных СМИ, корни «чувствительной» и «изобретательной» версии индуизма, выстраиваемой при их участии, географически локализованы в том самом «поясе хинди». **Такой** индуизм не представляет другие части Индии и не совпадает с моделями, обнаруживаемыми в Тамил-

---

¹ Поборники «организованного» индуизма одновременно проталкивают «Рамаяну» как основной текст наподобие Библии или Корана и также заимствуют идею «обязательного» паломничества в духе хаджа.

² Е.В. Рамасвами (Наикер), известный в Тамилнаду как «Перияр», «Великий мудрец», основатель политической партии «Дравида кажагам» (предшественницы ДМК), инициировал сжигание «Рамаяны» Валмики (1922) и сжигание изображения Рамы (1956), оценивая и то и другое как символы экспансии индийского севера. Я вынужденно оставляю за пределами статьи принципиальный вопрос об арийском Севере и дравидском Юге как этнокультурных полюсах, ни к одному из которых не примыкает Джамму и Кашмир, обладающий особой, сложенной из других компонентов, комплексной культурой.

наду, к которому относится Рам-сету, или в Джамму и Кашмире, где расположен шиваитский Амарнатх.

Холодный Джамму и Кашмир, где говорят на кашмири, урду, догри и тибетских языках, располагается в предгорьях Гималаев и состоит из трех разных в культурном и природном отношении областей – индусского Джамму, мусульманской Кашмирской долины и ламаистского Ладакха. Однородный в лингвоэтническом отношении жаркий Тамилнаду, жители которого обожают родной тамильский язык (индусы воспринимают его как богиню Тамилтай / Тамилттаи), лежит на берегу Индийского океана. Вследствие исключительной гетерогенности оба штата не имеют взаимных интересов; оба находятся далеко за пределами диктующего – в силу исторических и геополитических причин – свои правила хинди-язычного ареала, где создается новая медийная модель индуизма.

О чувствах и государственных границах

В 2008 г. обе истерии соединились. «Дирижерский пульт», однако, находился в «поясе хинди», СМИ которого транслировали голоса «оскорбленных» индусов по всей стране, подбрасывая «общие символы» для объединения и для проведения массовых акций¹. Более того, именно «оскорбленные чувства», взывавшие к мобилизации и насилию, стали своего рода «горючим» для обеих кампаний.

Начало мировой эпидемии «оскорбленных чувств» датируется 1988 г., когда «секулярное» правительство ИНК во главе с Радживом Ганди – на всякий случай, «во избежание чего бы то ни было со стороны мусульман» – запретило «Сатанинские стихи» Салмана Рушди. Однако Индия занялась осмыслением этого феномена как раз на мощном фоне «Движения» и «Агитации», хотя конкретные поводы могли быть другими. Редакционная статья в «The Hindu» о разгроме выставки картин в университете г. Вадодары (штат Гуджарат) уже подвела некоторый итог исходя из множества разных по масштабу событий, регулярно освещаемых СМИ: «В Индии “оскорбленные чувства” стали циничным эвфе-

---

¹ Арвинд Раджагопал, анализируя роль индийского ТВ в консолидации индусского национализма, использует, по аналогии с «печатным капитализмом» Бенедикта Андерсона, словосочетание «электронный капитализм» [Rajagopal, 2001, p. 24–29].

мизмом для полицейского нравоучительства и линчевания» [Н, 16.05.2007]. Известная писательница и общественная деятельница Арундати Рой, многократно сама обвиненная в «оскорблении» чьих-нибудь «чувств», сказала в интервью: «...вот это право на то, чтобы быть оскорбленным, или “мои чувства оскорблены” и стало бизнесом в демократической политике» [Arundhati Roy on...]. Индийская блогосфера отреагировала еще острее, обнаружив прямую связь между «оскорбленными чувствами» и правом на насилие: «“Мои чувства оскорблены” звучит как фетва. С недавнего времени мы то и дело слышим, как люди произносят: “Мои чувства оскорблены”. После этого они высыпают на улицу, закладывают бомбы, убивают и крушат все подряд» [Tamoso Deep, 2009].

К концу первого десятилетия XXI в. интенсивно проявляемые «оскорбленные чувства» обрели легитимность и обыденность, которые определяют и регулируют взаимоотношения между религией и политикой в Индии, превратившейся в «республику оскорбленных чувств» [The Hindu, 09.02.2012]. Например, Вир Сангхви, влиятельный политический аналитик, в своих еженедельных колонках обращался и к «Движению в защиту Рам-сету», и к «Агитации в защиту Амарнатха». В выпуске «Два образа индуизма», используя множественное «мы» в качестве аргумента, он писал: «...И все же те из нас, кто размышляет об этом на, так сказать, теоретическом уровне, поддержат отстранение от работы злополучных сотрудников Археологической службы Индии [составивших экспертный акт о естественном происхождении подводных островков], сообразуясь с тем, что возобновление проекта в районе Рам-сету означает оскорбление чувств индусов. В этом есть резон и на прагматическом уровне: зачем подбрасывать Вишва хинду паришаду еще одну темку, чтобы воспламенять индусские страсти?..». Пытаясь посмотреть на все через другое представление об индуизме как «одной из самых интеллектуально утонченных в мире религий», Сангхви старается быть объективным, но возвращается к безусловному принятию «оскорбленных чувств» в качестве реального фактора воздействия и давления, опять же отсылая к коллективному мнению: «...Как большинство либералов, я не испытываю желаний разжигать индусскую чувствительность...» [Sunday Hindustan Times, 16.09.2007]. Однако позднее, в статье «Помыслить немислимое», он проговорился: «Шафрановая семья разыгрывает в Джамму карту индусских чувств, поднимая проти-

востояние на невиданный уровень» [Sunday Hindustan Times, 17.08.2008], метафорой карточной колоды невольно указав на искусственную, «шулерскую», методику социальной инженерии такого рода.

«Религиозные чувства» вообще выпадают из общего ряда, ассоциируемого в психологии с конкретными чувствами – страхом, радостью, стыдом, гневом и т.д., которые могут «возникать», «появляться», «уходить», «улетучиваться», но которые «оскорблены» быть не могут, что подтверждается их семантическими связями¹. Многие из этих чувств культурно и социально релятивны, т.е. закладываются определенным контекстом, но при этом переживаются индивидуально. Экскурс в историю двух кампаний, в которых «оскорбленные чувства» индусов, беспрецедентно подогреваемые СМИ, недвусмысленно использовались в качестве идиоматического клича и мобилизационного лозунга, подтверждают эксплуатацию этого неопределяемого по своей природе феномена в целях утверждения, даже безапелляционного продавливания, групповых интересов. Мукунд Падманабхан в упомянутой выше статье «Республика оскорбленных чувств» [The Hindu, 09.02.2012] называет это явление «агрессивным морализаторством», «правом на религиозную нетерпимость» и способом «взять закон в свои руки», к которому прибегают те, кто «изображает из себя коллективную жертву».

Осознание того, что огромные массы индийцев «пребывают в постоянной готовности к переживанию оскорбления, поддаются на малейшую провокацию, на мельчайшее подстрекательство и пустяковое раздражение», побудило ученых-гуманитариев и активистов гражданского общества провести 12–13 октября 2012 г. в Делийском университете конференцию «Состояние обиды / обиженности: чувство, политика и цензура». В меморандуме о про-

---

¹ Предварительные соображения по поводу отсутствия реального коррелята у концепции «оскорбленные чувства» высказаны мною в статье «“Чувство” и “чувства”» на сайте «Ежедневного журнала» (23.04.2012. – Режим доступа: <http://yarcenr.ru/content/view/50829/318/>). В заключение я писала: «И снова о “чувстве” (восторг, ужас, благоговение, отвращение и т.д.) и “чувствах”. Последние – во множественном числе, похоже, являются “договорными” и могут быть вызваны по команде в нужный момент: “Ваши религиозные чувства оскорблены! Давайте действовать!”. Тем самым наряду с контролем над поведением – ортопраксией и контролем над мыслью – ортодоксией, возникает контроль над чувством, вернее, над чувствами – как бы назвать его – *ортоэсфисией?*»

блематике, которая включала как «оскорбленные чувства» разного порядка – «религиозные», «кастовые», «этнические», «лингвистические» и т.д., так и атмосферу насилия, сопровождающую функционирование этого феномена, говорилось об «авторитарном государстве», которое «производит и стратегически обеспечивает условия для разнообразных проявлений оскорбленности, чтобы в зародыше исключить любую угрозу для собственной конституционной власти и уничтожить любой намек на инакомыслие». Меморандум также подверг сомнению «эпистемологическую обоснованность обиженности / оскорбленности, проявляющейся как претензия, возникающая всего лишь из ощущения потенциальной угрозы, даже не реализованной» [Conference., 2012].

Таким образом, не только конфессиональные и / или иные группы, но и государство становится игроком и даже «выгодополучателем» от «разыгрывания карты оскорбленных чувств». Об этом свидетельствует и другой вывод, следующий из анализа «Движения» и «Агитации», которые возникли для «защиты» индуских святынь и во многом воспроизвели средневековую риторику и догмы. Собственно *тиртхи*, т.е. святыне места индуизма, всегда представляли собой «фокус политических интересов», а не «локус» вообще [Bakker, 1992, p. VIII]: они не только легитимировали правителя, чья власть определяла их благополучие, но и становились оберегами для политики, на чьей территории находились. Именно поэтому Индия в целом традиционно опоясывала себя священными символами, создавая и рекомендациями теологических трактатов, и перемещениями паломников защищенное и освященное пространство – *мандалу*. Главные *тиртхи* находились по четырем сторонам света: шиваитские Бадринахт и Рамешварам охраняли землю индуизма на севере, в Гималаях, и на юге, у вод Индийского океана; вишнуитские Джаяганнатх-Пури и Дварка – на востоке, на берегу Бенгальского залива, и на западе, на берегу Аравийского моря. Иногда – под воздействием требований *realpolitik* – их замещали другими святынями. Кроме них, *тиртхи* во внутреннем пространстве субконтинента служили своего рода пограничными столбами в эпоху, когда географические знания не доминировали, а охраняемых границ не существовало¹.

---

¹ В XVIII в. правители Маратхской конфедерации, преследуя свои геополитические интересы, манипулировали индускими *тиртами* и превращали военные

Геополитическая потребность оформления несуществовавшего до 1947 г. государства реанимировала старую традицию, которая зазвучала в трудах историков-«националистов» и лидеров антиколониальной борьбы, когда идея общеиндийского кружения между разнообразными святынями продвигалась как объединяющая Индию (в отличие от Пакистана) сила¹. Цитату о Кашмире, Канья-Кумари и Амарнатхе «отца нации» Махатмы Ганди, конечно, использовали множество раз, и я даже удивилась, не обнаружив отсылок к его другому высказыванию, где фигурировал и Рам-сету (под именем «Сету-бандх»): «Как ты полагаешь, о чем думали наши предусмотрительные предки, когда назначали Сету-бандх на юге, Джаганнатх-[Пури] на востоке и Хардвар на севере местами паломничества?.. Они понимали, что Индия – неразделенная земля, изначально сделанная такой самой природой. Тем самым они утверждали, что это одна нация...» (цит. по: [Sopher, 1987, p. 366]).

В самый разгар «искусственного наращения Амарнатха» в 2006 г. «Indian Express» цитировала выжимки из идеологического рупора РСС «Organiser», где говорилось, что «само паломничество в Амарнатх намного важнее, чем источник происхождения ледяного фаллоса, ожидающего в конце пути» [IE, 29.06.2006]. Далее приводилось объяснение, что «паломничество связано не только с шиваитским символом... Оно связано с широкой проблемой культурного единства и образа Индии от Кашмира до Канья-Кумари, от Катхиавара до Камурупа, существующих тысячи лет в умах и душах людей, определяющих интеллект, эмоции, жизнь, литературу и философию Индии». Ссылка на анонимную редакционную статью в «Organiser» появилась через неделю после того, как те же слова уже были напечатаны в «Indian Express» в статье Джагмохана, еще одного бывшего губернатора штата Джамму и Кашмир и министра культуры и туризма в правительстве НДА. Перечислив все те же географические символы на букву «К», расположенные в Индии по четырем сторонам света, Джагмохан завершил: «Вели-

---

экспедиции в паломничества, и наоборот. О *тиртхах* и паломничествах (*тиртхатра*) как способах освоения и присвоения пространства [см.: Глушкова, 2008].

¹ Эта мысль даже нашла подтверждение в посвящении «бесчисленным паломникам, чьи следы придали смысл Индии как культурной целокупности», вынесенном в начало, пожалуй, самого известного труда об индусских местах паломничества [Bhardwaj, 1983].

кое историческое значение паломничества заключается в присущей ему интегрирующей силе, признать которую необходимо. Когда некоторые люди упоминают о взаимосвязи Кашмира с Индией исключительно в терминах статьи 1 и статьи 370 Конституции¹, я поражаюсь их невежеству. Они не осведомлены, что эта взаимосвязь значительно глубже. Она существовала тысячи лет в умах и душах людей и дала Индии интеллект и эмоции, жизнь и литературу, философию и поэзию, ее насущные потребности и чаяния. Эта взаимосвязь вдохновила Субраманию Бхарати (Баради) на то, чтобы увидеть в Кашмире корону Матери-Индии, а в Канья-Кумари – лотос у ее ног и пропеть: «”У нее 300 миллионов ликов², но сердце одно”» [ПЕ, 22.06.2006]. Такого рода аргументы без устали распространяли СМИ, подразумевая, что Амарнатх на севере и Рам-сету на юге и являются скрепами для обеспечения целостности и безопасности индийской территории, что означало: индуистские символы охраняют территорию индуизма. О том, что здесь же проживают более 180 млн. мусульман [Outlook, 28.01.2011], не менее 25 млн. христиан и т.д., не упоминалось.

Проблемы со «скрепами» до сих пор не завершены. Индийское правительство медлит с вынесением окончательного вердикта и назначает все новые и новые комитеты для выработки окончательного проекта по углублению дна в Полкском проливе, подразумевая при этом щадящие для «индусских чувств» варианты. Каждую весну и лето наступает «рецидив» межконфессиональной вражды в Джамму и Кашмире и льется новая кровь. Газетная информация, озаглавленная «Паломничество к Амарнатху прошло мирно», сопровождается фотографией пограничного патруля со стационарным пулеметом, установленным на высокой точке в горах [НТ, 06.08.2009]. Мусульмане Кашмирской долины озабочены угрожающим ростом численности паломников к Амарнатху. Сайед Али-шах Гилани, лидер «Всепартийной конференции хуррият» («Свобода»), утверждает: «Индия преобразовала паломничество к Амарнатху в военный проект, чтобы продолжить оккупацию Каш-

¹ Статья 1 указывает – с отсылкой к Приложению I, состав Индии; статья 370 устанавливает – в качестве временного постановления – особый, по сравнению с другими штатами, статус Джамму и Кашмира.

² Здесь обыгрывается мифологема, называющая число богов в индуистском пантеоне.

мира» и «Населению в разных частях Индии настойчиво рекомендуют отправиться в паломничество в Кашмир». При этом он ссылается на рекламную литературу, сообщающую, что «подъем к гималайской святыне не только обеспечит освобождение индивидуальной индусской души, но и станет актом солидарности с нашими доблестными пограничниками, которые, защищая наши рубежи, ведут войну с врагом». Гилани также ссылается на других мусульманских лидеров Кашмира, называющих паломничество «коммуналистской агрессией, лишенной каких бы то ни было признаков религиозного благочестия» [IE, 02.09.2012].

Так, благодаря индийским СМИ хиндиязычного хартленда, страна досконально знает о ситуациях внутри и около одной из пещер в предгорьях Гималаев и на морском дне между Индией и Шри-Ланкой, что пробуждает сопричастность к происходящему и стягивает индийское пространство, укрепляя «воображаемую общность» общим болеевым синдромом индусов. Бесмысленно игнорировать факт, что социальные и политические науки вошли в XXI в., существенно преобразившись под воздействием такого явления, как «эмоциональный поворот».

Литература

Условные сокращения названий индийских газет:

[A] – «Aj»

[AU] – «Amar Ujala»

[DJ] – «Dainik Jagran»

[Hind] – «Hindustan»

[HT] – «Hindustan Times»

[NT] – «Navbharat Times»

[RS] – «Rashtriy Sahara»

[AA] – «The Asian Age»

[H] – «The Hindu»

[IE] – «The Indian Express»

[P] – «The Pioneer»

[T] – «The Telegraph»

[TI] – «The Times of India»

[Tr] – «The Tribune»

Глушкова И.П. Филологический анализ идеологической риторики. Маратхи в поисках национальной идеи // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – М., 2002. – № 4. – С. 5–24.

- Глушкова И.П.* Боги здесь и сейчас: индусская мифология как инструмент создания индусской идентичности // Южная Азия: конфликты и компромиссы / Е.Ю. Ванина, А.А. Куценков (отв. ред.). – М.: ИВ РАН, 2004. – С. 169–256.
- Глушкова И.* Религиозная идентичность и политика национальной интеграции в Индии // Религия и конфликт / А. Малашенко, С. Филатов (отв. ред.). – М.: РОССПЭН, 2007. – С. 223–265.
- Глушкова И.П.* Подвижность и подвижничество. Теория и практика тиртхатры. – М.: Наталис, 2008. – 496 с.
- Глушкова И.П.* Индия: культура и религия как стражи / нарушители общественного порядка, (с 1980-х годов по начало XXI в.) // Разговор с Мариной и Олегом Плешовыми: политические символы и реалии Южной Азии / Е.Ю. Ванина, С.Е. Сидорова, А.В. Устенко (отв. ред.). – М.: ИВ РАН, 2010. – С. 300–355.
- Мак-Люэн М.* Понимание медиа: внешние расширения человека. – М., Жуковский: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2003. – 464 с.
- Ройтман Л.* Обращение к сенатору Джону Ф. Керри / Новая Свобода. Радио Свобода в изгнании. – Режим доступа: <http://www.svobodanew.com/168> (Дата посещения: 27.10.2012.)
- Anand S.* A different reading. If the Ambedkar-conceived Constitution can be amended 97 times, can't a textbook, which has to be treated as a work-in-progress, be amended? – IE, 24.05.2012.
- Arundhati Roy on Taslima Nasreen saga.* – 5.12.2007. – Mode of access: <http://ibnlive.in.com/news/if-treated-like-taslima-id-give-up-writing/53464-1.html> (Дата посещения: 14.10.2012.)
- Bakker H.* Introduction // The Sacred center as the focus of political interest / Bakker Hans (ed.). – Groningen: Egbert Forsten, 1992. – P. vii–xi.
- Bhardwaj S.M.* Hindu places of pilgrimage in India. A study in cultural geography. – 1 edition. – Berkeley; Los Angeles; L.: Univ. of California Press, 1983. – 258 p.
- Brass P.* Theft of an idol: Text and context in the representation of collective Violence. – Princeton: Oxford univ. press, 1997. – 317 p.
- Brass P.* The production of Hindu-Muslim violence in contemporary India. – Seattle-London: Univ. of Washington Press, 2003. – 500 p.
- Chattarji S.* Tracking the media. Interpretations of mass media discourses in India and Pakistan. – L. – N.Y. – New Delhi: Routledge, 2008. – 302 p.
- Conference «The State of Hurt: Sentiment, Politics, Censorship». – 9.10.2012. – Mode of access: <http://h-net.msu.edu/cgi-bin/logbrowse.pl?trx=vx&list=H-Asia&month=1210&week=b&msg=nCH1F7fazEopF6kXQ6dYwA> (Дата посещения: 18.01.2012.)
- D'Andrade R.* A folk model of the mind // Cultural models in language and thought / Holland D., Quinn N. (eds). – Cambridge: Cambridge univ. press, 1987. – P. 112–150.
- Mirrors of violence: Communities, riots and survivors in South Asia / Das Veena (ed.).* – Delhi: Oxford Univ. Press, 1990. – 407 p.
- Freitag S.B.* Collective action and community. Public arenas and the emergence of communalism in North India. – Berkeley: Univ. of California Press, 1989. – 329 p.
- Frykenberg R.E.* Hindu fundamentalism and the structural stability of India // The fundamentalism project – III. Fundamentalism and the state. Remaking polities, econo-

- mies, and militance / M.E. Marty, R. Sc. Appley (eds.). – Chicago: The Univ. of Chicago Press, 1993. – P. 233–255.
- Glushkova I.* A philological approach to regional ideologies // Region, culture, and politics in India / R. Vora, A. Feldhaus (eds). – New Delhi: Manohar, 2006. – P. 51–82.
- Hansen Th.B.* Wages of violence. Naming and identity in postcolonial Bombay. – Princeton; Oxford: Princeton Univ. Press, 2001. – 269 p.
- Jeffrey R.* India's newspaper revolution. Capitalism, politics and the Indian-language Press, 1977–1999. – L.: Hurst&Company, 2000. – 234 p.
- Kakar S.* The colors of violence. Cultural identities, religion, and conflict. – Chicago: Chicago Univ. Press, 1996. – 219 p.
- King R.* Orientalism and religion. Postcolonial theory, India and «The Mystic East». – New Delhi: Oxford Univ. Press, 1999. – 283 p.
- Media press release of the Letter by Shri L.K. Advani, Leader of the Opposition [Lok Sabha], to the Prime Minister, Dr. Manmohan Singh, with regard to the issue relating to the transfer of land to Shri Amarnath Ji Shrine Board. – 12.08.2008. – Mode of access: http://www.bjp.org/index.php?option=com_content&id=6110&Itemid=494 (Дата посещения: 24.11.2012.)
- Mehta P.B.* Introduction to the omnibus // Hindu nationalism and Indian politics / J. Zavos, Th.B. Hansen, Ch. Jaffrelot (eds.). – New Delhi: Oxford Univ. Press, 2004. – P. vii–xxiii.
- Oller J.W., Jr., Wiltshire A.* Toward a semiotic theory of affect // The language of emotions. Conceptualization, expression, and theoretical foundation / Niemeier Susanne (ed.). – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1997. – P. 33–54.
- Philo G.* Seeing and believing: The influence of television. – L., N.Y.: Routledge, 1990. – vii, 244 p.
- Rai M.* Hindu rulers, Muslim subjects. Islam, rights, and the history of Kashmir. – L.: Hurst & Company, 2004. – 335 p.
- Rajagopal A.* Politics after television. Hindu nationalism and the reshaping of the public in India. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2001. – 393 p.
- Ramaswamy S.* The goddess and the nation. Mapping mother India. – Durham; L.: Duke Univ. Press, 2010. – 379 p.
- Sopher D.V.* The message of place in Hindu pilgrimage // The national geographical journal of India. – Varanasi, 1987. – Vol. 33, N 4. – P. 353–369.
- Tamoso Deep. – 04.06.2009. – Mode of access: <http://tamosodeeep.wordpress.com/2009/06/04/zakir-naik-a-very-clever-fraud/> (Дата посещения: 15.12.2012.)
- Wayne W.* Psychology. Themes & variations. – Pacific Grove: Brooks/Cole Publishing Company, 1995. – 707 p.